

Алексей ВОРОНКОВ

ПРИШЕСТВИЕ ЗДРАВОВОГО СМЫСЛА

Заметки об аграрной реформе

Лет пять назад, в самом начале нынешних реформ, включил как-то телевизор и “наскочил” на самую что ни на есть обычную сельскохозяйственную передачу, какие не очень-то жалует наш зритель. Хотел уже было переключить на другой канал, но что-то меня удержало.

Оказывается, шла речь об опыте хозяйствования на селе в соседней с Россией Финляндии. Помню примечательный видеоряд: красивый зеленый ландшафт, уютные сельские коттеджи, асфальт, ведущий к этим хуторкам, новая добротная сельхозтехника, капитально оборудованные мастерские и, что больше всего меня привлекло, — небольшие перерабатывающие заводишки, принадлежавшие тамошнему кооперативу.

“Ну вот, — подумал я, — убегаем от последствий коллективизации, которая, по нашему разумению, не оправдала народных надежд, а там, у капиталистов, всюю развивается эта коллективная форма труда”. Но чуть позднее я понял, что тамошняя “коллективизация” ничего не имеет общего с нашей. В наших колхозах все всегда было обобществлено, начиная от средств производства и кончая пашней. У финнов же основой производства являлись частные хозяйства — фермы, то есть небольшие сельскохозяйственные предприятия, занимающиеся производственной деятельностью на собственном или арендуемом земельном участке. Коллективную форму собственности, в данном случае уместнее термин “кооперативную”, представляли небольшие перерабатывающие предприятия, которые принадлежали кооператорам — владельцам трудовых крестьянских хозяйств.

Как я уяснил из телепередачи, финны с некоторых пор поняли, что сельскохозяйственное производство полностью становится рентабельным

только тогда, когда оно ориентировано на конечный результат, иначе говоря, на выпуск готовой продукции. В этом ряду — продукты, полученные из молока, изделия из мяса, хлебобулочные изделия, растительное масло, полуфабрикаты из птицы, овощеконсервная продукция и еще многое другое.

Представьте себе село, в котором денно и нощно работают перерабатывающие заводи и откуда ежедневно в город везут продукты питания, и не только в чужие магазины, но и в те, что принадлежат кооперативу. Вырученные за продукты деньги бесперебойно поступают в банк (часто в тот, соучредителем которого является опять же кооператив), на счет коллектива. Постоянно имея на своем счету достаточное количество денег, кооператив частью распределяет их между крестьянскими хозяйствами (фермер в этом случае имеет возможность пользоваться благами жизни), частью тратит их на развитие производства.

Кооператив создается на паи, то есть на денежные доли, которые учредители-фермеры вносят на общее дело.

Я помню, с каким благоговением отзывались герои телефильма, те самые процветающие фермеры, о кооперативном устройстве производства, позволяющем им быть уверенными в завтрашнем дне, о той отлаженной системе сельскохозяйственного конвейера, о котором могут только мечтать крестьяне России. Я был поражен и озадачен. Как, оказывается, все просто: наделил крестьянские хозяйства землей, орудиями производства, объединил их в кооперативы — и наша вечная проблема с производством высококачественной продукции решена. Но почему же, в таком случае, никто из российских руководителей последних десятилетий не додумался до такой простой вещи? Опыта не было? Знаний? Но ведь ими можно было обзавестись в той же Финляндии. В том случае, конечно, если за границу ездить именно за опытом и знаниями, а не для того, чтобы точить лясы в политических посиделках. Увы, то ли у нашего руководства не было желания познавать секреты прогрессивных методов производства, то ли тогдашняя идеология не позволяла отойти от канонов так называемой социалистической системы хозяйствования, только мы так и продолжали всем миром гробить живое дело.

Недавно разговорился с одним ветераном. Лет ему уже много, до этой поры мало кто нынче доживает. Так он мне прямо сказал: до революции-де мы у себя на приамурских землях хозяйствовали лучше. Каждый жил в селе своим двором, имел пашню, свои орудия производства. Бедных по существу (а разговор шел о большом амурском селе Ивановка) не было. Может, сводили концы с концами только лоботрясы, которым было лень даже свои портки постирать. А после революции, рассказывал мой собеседник, стали крестьян загонять в сельскохозяйственные коммуны — кооперативы по-большевистски, — где крестьяне так обнищали, что ко времени организации колхозов им не с чем было туда идти. Ивановка в полном смысле слова стала убогим селом.

Значит, подумал я, кооператив кооперативу рознь, коли где-то “за бугром” таковые процветают, а у нас в двадцатых годах они сделали свое черное дело — по существу уничтожили сам смысл крестьянского труда... В чем же причина? Может быть, новая власть попыталась переменить психологию крестьянина? Ведь что из себя представляла наша коммуна, появившаяся на свет в первые годы Советской власти? Это был сельско-

хозяйственный производственный кооператив с полностью обобщественными средствами производства и землепользованием, а также уравнительным распределением — по едокам. Но ведь крестьянин способен работать только на своем участке, только с помощью своих орудий труда, которые он бережет как зеницу ока. А тут все общее, а значит, ничье. Рядом с коммунарами работали крепкие единоличники-хозяева: у них дело шло, а у тех, кто все обобществил, ничего не получалось.

— У нас, — рассказывал мне когда-то мой покойный батя — крестьянский сын, который успел поработать на земле и до появления колхозов, а потом и колхозную долю на себе испытал, — в Поволжье (родом он был из Самарской области-губернии) кооперация была другой. В нашей деревне Кураповке коммуны начисто отвергли и жили по-старому: вели единоличное хозяйство, но порой объединялись для того, чтобы совместно землю вспахать и обработать, а потом урожай собрать.

А еще у них там были купленные на крестьянские паи мельница, маслобойня и что-то еще. Так что, по словам отца, крестьяне в селе жили до образования колхозов неплохо. Тот, кто любил и умел трудиться, глядя на богатых хозяев, сам старался крепко встать на ноги. И вставали — многие... То же самое было в других селах: люди мечтали вырваться из нужды — вся Россия пыталась это сделать. Для этого много и прилежно трудились, учились новым способам производства, старались где-то что-то путное подсмотреть, найти хороший посадочный материал, освоить тонкости агрономии и других сельскохозяйственных наук. Крестьян никто не заставлял, они сами доходили до всего. Свободный крестьянин, говорил мой отец, — хороший хозяин, подневольный же — никудышный.

Наверное, годы, когда отец мальчишкой помогал своим старшим братьям вести единоличное хозяйство, повлияли на его характер: он потом всю жизнь критически относился к колхозам и всегда с теплотой вспоминал, как они семьей работали на земле.

— Мы начинали с нуля, то есть были бедняками, потихоньку вышли в середняки и в конце концов превратились бы в зажиточных хозяев, но коллективизация снова сделала нас бедными, — приблизительно так говорил мне мой отец.

А еще он говорил, что коммуны, а следом за ними и колхозы, ломая привычную крестьянскую психологию, заражали крестьян психологией уравниловки, которая подавляла их внутреннюю свободу, их творческое начало, их стремление к поиску и разумным решениям, — они были обезличены самой системой тотального принуждения.

* * *

Стремление решить по-доброму земельный вопрос, обустроить сельскую жизнь уже столетия волнует передовую российскую мысль. Я уже рассказывал, какое впечатление произвел на меня документальный фильм о кооперативном движении в Финляндии. (Кстати, позже я узнал, что подобная система кооперирования существует и во многих других странах, способствуя интенсивному развитию сельского хозяйства.) Но, оказывается, все это уже было когда-то и у нас в России...

28 сентября 1987 года в конференц-зале Всесоюзной сельхозакадемии выступал английский профессор Теодор Шанин с лекцией "Александр

Васильевич Чайанов и мировая экономическая наука". По его словам, в шестидесятых годах английский историк и экономист Дэниэл Торнер, работая в Индии, неожиданно обнаружил книгу, написанную, как он потом говорил, каким-то немцем и изданную в Берлине в двадцатые годы. Фамилия немца была то ли Хаянофф, то ли Шаянофф. Торнер стал читать книгу, и она все больше и больше захватывала его. Дочитав, понял, что познакомился с выдающейся концепцией, которая объясняет многие загадки развития мирового сельского хозяйства.

Торнер стал искать другие работы гениального немца, но тщетно: нигде их не было; более того, никто из ученых-аграрников, с кем он разговаривал, не мог ничего сказать об авторе книги.

И все же удача в конце концов вознаградила усилия Торнера: через несколько лет он отыскал следы "немца". Увы, к стыду англичанина, им оказался русский агроном-экономист, профессор Московской сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева, директор Научно-исследовательского института сельскохозяйственной экономики Александр Васильевич Чайанов, который погиб за три десятилетия до этого. Так и не отыскав русское издание, книгу Чайанова перевели с немецкого на английский, французский, испанский, японский и другие языки. Уже в 1967 году в Париже увидело свет первое восьмитомное собрание его сочинений...

Чем же заинтересовал Чайанов Запад, почему там поспешили ознакомить широкий круг общественности, в первую очередь, естественно, специалистов сельского хозяйства, с работами русского ученого? Только потому, что Александр Васильевич Чайанов создал стройную систему оптимальной организации аграрного производства, ядро которой составила теория трудового крестьянского хозяйства. То есть это был настоящий учебник крестьянской жизни, изучить который следовало всем, кто был занят проблемами развития экономики села в своей стране.

Здесь закономерно возникает вопрос: почему же в таком случае на родине Чайанова так, мягко говоря, непочтительно отнеслись к его научным трудам? Неужели наши колхозы и совхозы так преуспели в производстве зерна, мяса и молока, что нам необязательно было изучать их? Да нет же! Тогда в чем же дело?

Прежде чем ответить на этот вопрос, несколькими штрихами очертим биографию Александра Васильевича.

Родился он в Москве 17 (29) января 1888 года в семье бывшего крестьянина, ставшего впоследствии преуспевающим коммерсантом, и вятской мещанки, кстати, получившей образование в Петровской земледельческой и лесной академии. Родители отдали его не в гимназию, а в частное реальное училище, по окончании которого юноша поступил в Петровскую академию (Москва), которая к тому времени уже называлась Московским сельскохозяйственным институтом, но по привычке москвичи именовали ее по-прежнему.

Выбор был сделан совершенно сознательно: будущий ученый, как свидетельствуют современники, принадлежал к той части молодежи, которая шла в академию "для изучения естественно-исторических и общественных наук". Цель у нее была святая — работать ради блага народа и государства.

По сути, школа Чайанова формировалась именно в Петровке. Здесь

Александр Васильевич понял главное: при совершенствовании условий аграрного производства нужно исходить из тщательного изучения объективных законов существования и деятельности крестьянского хозяйства. При этом необходимо преследовать одну-единственную цель — помочь более эффективному проявлению заложенных в самой природе крестьянского хозяйства сильных, положительных, перспективных тенденций саморазвития. Чаянов, в отличие от будущих советских “прорабов” коллективизации, отрицал сам принцип насилия над жизнью, какими бы заманчивыми посулами оно ни обставлялось.

* * *

Еще в предреволюционные годы (а ведь он тогда был еще достаточно молодым человеком) Чаянов стал крупнейшим авторитетом в области аграрной кооперации и организации сельского хозяйства. Пропагандируя свою теорию, он проводил исследования, читал лекции в учебных заведениях, писал научные труды. И не переставал верить в то, что наступит день, когда в России поднимется мощное крестьянское кооперативное движение, способное вывести наше сельское хозяйство из тупика.

Это сегодня многим кажется, что до Октября 1917 года дела на селе шли блестяще. Увы, при всех преимуществах единоличного хозяйствования там зачастую царило запустение. А вся беда была в том, что наши прадеды испокон века добивались роста объема продукции лишь за счет расширения обрабатываемых земельных площадей. (В отличие от этого метода интенсивная система нацеливает крестьян на применение более совершенных средств и методов как в возделывании зерновых, так и в других отраслях сельскохозяйственного производства.) Русские крестьяне в массе своей были неграмотными, они не могли следить за достижениями науки и агротехники. Среди них практически не было питомцев учебных заведений аграрного профиля, поэтому все работы велись по старинке.

В России первые кооперативы появились сразу же после отмены крепостного права. Чаще всего учредителями таких, скажем, протокооперативов были прогрессивные помещики либо “благородно мыслящие” предприниматели. Большую роль в развитии движения играла интеллигенция, благодаря энтузиазму которой в конце прошлого и в начале нынешнего века Россию буквально усеяли кооперативы, где использовались передовые способы производства, что способствовало подъему сельского хозяйства в целом.

Сегодня много говорят о знаменитой столыпинской реформе, которая дала возможность самоопределяться крестьянам. Имевшие землю хозяева уже могли выходить из сельских общин и обустраиваться на хуторах, а все желающие — с помощью государства переселиться в другие районы страны, где было много свободной земли (в том числе и на Дальний Восток). Но редко кто вспоминает о кооперативном движении, которое, по существу, являлось также аграрной реформой, но осуществлялось как бы снизу.

Примерно на рубеже веков в России зародилось начинание, призванное помочь становлению трудовых крестьянских хозяйств. Истоки его

часто связывают с так называемой “теорией малых дел”, в восьмидесятые годы прошлого века популярной в среде либерального народничества. Но если сторонники этой теории шли на службу в земства и учителями и врачами в деревню, чтобы просвещать народ и заботиться о его благе, то их преемники пытались помочь крестьянам в организации кредита, страхового дела, в усвоении сельскохозяйственных знаний. При общности духовно-нравственных принципов “отцов” и “детей” все же многое разделяло. И прежде всего — подход к “проклятым вопросам” современности.

Вместо весьма неотчетливых просветительства и благотворительности приверженцы организационно-производственной школы ставили перед собой конкретную практическую задачу: научить крестьянина грамотно вести хозяйство, поднимая тем самым уровень его жизни, культуры, прежде всего производственной. Эта программа строилась на точном знании экономики, рынка, агротехники, особенностей конкретного региона, типа и направления хозяйственной деятельности того или иного крестьянина. И подготавливалась она на рубеже веков такими видными учеными, как А. А. Кауфман, А. В. Пешехонов, П. А. Вихляев, А. И. Скворцов. Их последователи надеялись преобразовать крестьянское хозяйство на основе рациональной организации производства и его интенсификации путем применения передовой технологии.

А. В. Чаянов и его единомышленники — А. Н. Челинцев, Н. П. Макаров, А. А. Рыбников, А. Н. Минин — продолжили и развили дело “организационно-производственной школы”.

Александр Васильевич черпал все лучшее не только дома, но и за рубежом. Так, в Германии он внимательно изучал так называемые теории штандорта Ф. Аэробое и Т. Бринкмана (позволяют наиболее выгодно размещать предприятия в целях снижения издержек производства и повышения рентабельности), которые позднее применил в российских условиях.

В Швейцарии Чаянова интересовал семейный бюджет швейцарцев, занимающихся сельским хозяйством. Эти знания тоже позже были применены на практике.

В Италии внимание молодого ученого привлекли процессы кооперирования на селе, когда тысячи малых хозяйств объединялись в различные союзы и на началах самодеятельности создавали мощные структуры, бравшие на себя организацию кредита, закупок, сбыта, оказание агрономической помощи крестьянам. Чаянов назвал расцвет кооперации экономическим Возрождением Италии.

Вернувшись в Россию, Александр Васильевич приступил к разработке теории трудового крестьянского хозяйства и изучению принципов, форм и методов деятельности сельской кооперации. Внимание его сосредоточилось на вопросах производства и потребления, финансирования и специализации. Он искал пути и способы выхода на рынок, наиболее выгодные для сельского производителя.

Кстати, тот телефильм, о котором я рассказывал, дает представление о практике ведения сельского хозяйства на основе методик, разработанных А. В. Чаяновым и его сподвижниками. Увы, в своем Отечестве пророком он так и не стал. В 1941 году ученого расстреляли по сфабрикованному делу, а его научное наследие и поныне пребывает невостребованным на обочине нашей заскорузлой и закоснелой сельскохозяйственной практики. Почему? Ответ на этот вопрос найти непросто. С одной сторо-

ны, наша наука управления настолько отстала от мирового уровня, что утрачены все необходимые критерии. Во-вторых, сказывается боязнь всего нового, укоренившаяся за десятилетия господства административно-командной экономики. Вот и получается, что наша деревня ныне или топчется на месте, или начинает, образно говоря, заново изобретать велосипед, вслепую идти к тому, к чему уже давно пришла передовая мысль. Здесь я имею в виду и теорию А. В. Чаянова, касающуюся оптимальных форм устройства трудового крестьянского хозяйства, и систему кооперирования на селе.

* * *

Давно наблюдаю за развитием ситуации на селе и вижу, что порывы к новому заметны. Но все идет как-то кособоко, на ощупь, несмело и, что греха таить, неумело. И не потому ли, что сверху нет никаких директив, то бишь, если перевести это слово на русский, — руководящих указаний? И село растерялось — ведь люди привыкли подчиняться воле верхов и командам, исходящим оттуда. А теперь этих команд нет. Как и образованных людей, которые бы, по примеру подвижников конца прошлого столетия, пошли в село учить крестьянина, как ему разумно организовать свой труд.

Я разговаривал со многими хлеборобами нашего региона (с представителями всех форм собственности, начиная от фермерских хозяйств и кончая товариществами с ограниченной ответственностью и колхозами), пытаюсь выяснить, какой теории они придерживаются в своей производственной деятельности, что они знают о развитии крестьянской кооперации за рубежом, о кооперативном движении в предреволюционной России, когда новая система организации труда произвела настоящую революцию на селе, значительно подняв уровень производительности труда, а следовательно, и уровень жизни крестьян. Увы, современные хлеборобы ничего не знают об этом. Иногда только кто-то что-то пытался припомнить, но, в общем, никто ничего не знал. Как будто и не было выдающихся ученых и опыта, позволяющего крестьянам оптимально организовать свой труд. Я с болью подумал, что подобное уже встречал: путешествуя несколько лет назад по Китаю, я пытался заговорить с тамошними людьми о мировой культуре, о величайших представителях ее — и тщетно. Люди были воспитаны в некоем историческом вакууме, и для них все интересы замыкались на самом насущном. Мне стало не по себе...

Местный сельскохозяйственный университет тоже не порадовал меня: и среди студентов, и среди преподавателей я не нашел человека, более или менее разбирающегося в теории того же, например, А. В. Чаянова, знающего труды его и сподвижников-кооператоров. Весь процесс подготовки специалистов здесь базировался в основном на укладах прежней советской науки и ориентировался на колхозную систему организации труда и на экстенсивную систему производства. Кто-то пытался объяснить эту рутину той неразберихой, которая царит в российском сельском хозяйстве, кто-то — консервативностью руководства вуза.

Ну, да Бог бы с ними, но ведь страдает дело. Кто из нынешних выпускников агроуниверситета способен сегодня пойти на село и научить

крестьян работать по-новому? Их бы за границу свозить, чтобы они посмотрели, как можно рационально и оптимально организовать труд и интенсивно вести сельскохозяйственное производство, как создать кооператив и что для этого нужно... Ведь тот же Чаянов, многие его последователи тоже не сами дошли до всего — они оттолкнулись от чьего-то опыта, в частности, от европейской практики аграрных отношений. Увы, некому свозить наших молодых специалистов туда, где бы они набрались чужого опыта, а своего доброго у нас, к сожалению, нет. Ежели бы он был, разве мы стали бы метаться так в поисках выхода из тупика?

Недавно мне рассказали один забавный случай. Наш студент-заочник не то во владивостокском, не то еще в каком-то вузе сдавал экзамен и ему пришлось упомянуть о достижениях амурского сельского хозяйства. Он сказал, что пшеницы у нас собирают в среднем по восемнадцать—двадцать центнеров с гектара, а молока надаивают в среднем по три тысячи литров на корову. Преподаватель ему: “Вы что, на Колыме живете или в Якутии? Почему у вас так слабо развито сельское хозяйство?” Но тут вдруг встали два обиженных студента — один из Саха-Якутии, другой — из Магадана. И чуть не в один голос заявили: “Да у нас надои — по шесть и более тысяч литров от коровы!”

Вот так-то! Уже давно многие мои земляки не верят в сказку о том, что наша в общем-то единственная на Дальнем Востоке область, по сути являющаяся полностью аграрной, — житница региона. Ну какая же это, простите, “житница”, если селяне до последнего времени ездили в город за рассадой, за хлебом, за овощами и прочим? Комбикормом в деревнях уже стали питаться — это ведь трагедия!

Многие крестьяне, побуждаемые, быть может, интуицией, которая предостерегает, что им грозит мор, начали, не дожидаясь помощи растерявшихся ученых, сами выплывать из экономического омута. Понятно, в этой ситуации наукой и не пахнет и люди начинают заново изобретать велосипед. Но ведь их никто не учил жить и трудиться по-иному, у них нет возможности наведаться за границу (или в тот российский уголок, где научились хозяйствовать цивилизованно), и они пытаются сами дойти до того, чем остальной мир живет уже давно.

Вот один недавний пример. Как-то в конце прошлого года Амурскую область навестил курировавший тогда аграрный сектор экономики первый вице-премьер Заверюха. Он объехал несколько хозяйств, где пытаются работать по-новому. В селе Новопетровка Благовещенского района вице-премьер заинтересовался, как это одной фермерше, которая держит небольшое дойное стадо, удается добиться высоких для наших мест надоев. “Справляетесь ли вы одна со столькими коровами?” — спросил вице-премьер. “Да, справляюсь, — ответила женщина. — Но дело в другом: некуда девать молоко. И другим селянам некуда. Вот и приходится спаивать его буренкам. Но разве это дело? Нам бы скооперироваться да сепараторную построить. Тогда бы из цельного молока мы могли производить сливки, сметану, масло, творог, другие молочнокислые продукты, которые бы потом везли в город и продавали. Даже свой магазин там могли бы открыть. А молоко — продукт скоропортящийся, пропадает, если его вовремя не реализуешь. А где его реализовывать? В селе у каждого своя корова, рядом в селах — тоже у всех коровы. Только и остается, что сдавать на Благовещенский молокозавод. А там очередь,

кроме того, завод часто не в состоянии расплатиться со сдатчиками молока — люди ждут денег месяцами”.

Вот примерно так объяснила ситуацию новопетровская фермерша. И Заверюха пообещал, что непременно пришлет сепараторное устройство, которое поможет и ей, и ее односельчанам решить проблему.

Вице-премьер не обманул: однажды в Новопетровку и в самом деле пришло оборудование. Народ радуется, благодарственное письмо вслух сочиняет. Но всеобщий энтузиазм охладила “зачинщица”. Поработала она на сепараторе и говорит: “Ерунда, а не механизм. Да разве нам такой нужен? На этом я полдня перерабатывала только то молоко, что получила от трех коров. А у меня-то их десять. Но ведь нужно еще и соседское молочко переработать...”

В общем, беда, да и только. Узнав про то, что сепаратор был раскритикован амурскими крестьянами, первый вице-премьер извинился перед ними и признался, что других, более мощных сепараторов наша промышленность не выпускает, потому как вся индустрия была сориентирована у нас на городские молокозаводы. Так что, мол, не обессудьте...

Что же делать крестьянам в такой ситуации? Да откуда им знать-то! Они даже не ведают, где можно купить небольшой перерабатывающий заводик. Наша же промышленность молчит. Она, как и прежде, неразворотлива, а то и равнодушна к чаяниям людей. А ведь на многих промышленных предприятиях, насколько я знаю, есть все условия для изготовления крупных сепараторных механизмов. Скажем, на том же свободненском заводе “Автозапчасть”.

Продрейфовав несколько лет в водоворотах кризиса, этот промышленный гигант (по меркам нашего региона) потихоньку начал подниматься с колен. Коллектив, сориентировавшись в рыночной ситуации, производство перепрофилировал и приступил к выпуску совершенно новой для себя продукции, пользующейся спросом. Но, насколько я знаю, покупатель этот находится за тридевять земель; здесь же свой, амурский крестьянин ждет помощи от промышленности, почему бы ему не помочь? И если даже у него нет денег, он может расплатиться продуктами питания. Ведь работает же АО “Автозапчасть” с другими партнерами по бартеру, почему с крестьянами нельзя бартерный договор заключить?

Конечно, речь я веду о вещах не самых, может, главных для обустройства нашего амурского сельскохозяйственного производства, но и не о частных. Ведь известно, что промышленность в нашей области, не перерабатывая местную продукцию, не работает на конечный результат. В свою очередь, сельское хозяйство, отчужденное от конечного результата, является несовершенным и нерентабельным. Слабым, одним словом.

Крестьяне это чувствуют интуитивно. Они хотят работать по-новому (старое давно уже скомпрометировало себя), пытаются для большей отдачи своего труда объединиться в кооперативы, вложив в них часть своей прибыли. А мысль у многих из них идет дальше — труд на земле стимулирует в людях стремление совершенствовать свое дело, заставляет их задумываться над многими вещами. Ведь сам по себе крестьянин, говорили чайновцы, — это сложная экономическая фигура общества. Он одновременно является владельцем средств производства, земли, капитала, что принуждает его самосовершенствоваться во многих областях деятельности, ибо все в мире связано с землей и хлебом.

Не так давно меня разыскал один человек. Хочу, говорит, побеседовать с публицистом, который пишет о земле. Трудно приходится, говорит, у нас тем, кто мыслит по-новому — даже поговорить не с кем. Все тихонько варятся в собственном соку и даже не пытаются поразмышлять о том, как же выбраться из этой трясины всеобщей нищеты.

Зовут этого человека Геннадием Васильевичем Якушевым. Он — потомственный крестьянин.

Косая, как говорится, сажень в плечах, крепко сбитый и пышущий здоровьем, несмотря на солидный возраст, он произвел на меня наилучшее впечатление. О таких говорят: основательный мужик.

Геннадий Васильевич всю свою жизнь прожил в селе, сызмальства работал в колхозе. Скоро ему исполнится шестьдесят.

Начал Якушев с того, что, к моему удивлению, поблагодарил Бога за то, что тот принес на российскую землю перемены. Вот ведь как: сегодня почитай все амурское крестьянство ропщет, недовольное тем, что власти перестали уделять ему столько внимания, как прежде, а этому хорошо.

Правда, поблагодарив Бога и время, Якушев перешел к анализу ситуации, и тут крепко перепало всем. На его взгляд, сегодня на селе царит атмосфера, напоминающая начало тридцатых, — идет разрушение устоев. Только тогда, при создании колхозов, рушились устои единоличного крестьянского хозяйствования, а ныне надламывается коллективистский стержень крестьянства. А история, мол, показывает, что в переходные эпохи, когда происходит разрушение старого и медленное зарождение чего-то нового, некоторое время всем живется хуже, чем прежде. И так бывает до тех пор, пока не наберет силу новая идея и не стабилизируется обстановка. Правда, говорит Геннадий Васильевич, у нынешней ситуации есть одно преимущество: происходит переход от прежней порочной, насильственной и принудительной системы труда к творческой и свободной, а это вселяет надежду.

Что касается коллективного труда, то, по словам Якушева, при его внедрении крестьянин должен был забыть о своем благополучии: он стал жить не от собственной прибыли, а на скудные трудовни, которые ему давали в колхозе. Кроме того, его стали душить непомерными налогами, заставляя сдавать мясо, молоко, шерсть и т. д.

— По этой части, — с горечью говорил Якушев, — анекдотов много до сих пор ходит. Вот такой, например: сдал крестьянин шерсть, мясо, кожу... и у него остались одни кости.

Да, невеселый анекдот...

— Сегодня я вижу, — саркастически улыбнулся Геннадий Васильевич, — как рвутся к власти иные политики — из кожи лезут, бьются не на жизнь, а на смерть... Но ведь ни один из них не приедет к нам на село и не спросит колхозника, совхозника или фермера, как те живут и в чем нуждаются. А жаль. Если бы приехали, тогда бы те, кто становится губернаторами, депутатами, президентами, может быть, по-иному посмотрели на политику в области сельского хозяйства. Начали бы с помощью науки и при полной поддержке общественности ненавязчиво внедрять новую систему сельскохозяйственного производства.

А что селянину сейчас нужно? Вот один только вопрос.

Как известно, и в малых, и в больших селах, даже в районных центрах держат скот. По всей России, в том числе и в Амурской области. Но беда в том, что люди не могут реализовать свою продукцию (об этом упоминалось уже выше). Почему? А дело это, говорит Якушев, на селе не поставлено. И здесь-де нужно сделать небольшой экскурс не в столь далекое прошлое. В сороковые — пятидесятые годы наше правительство, видя, что от колхозов, как ни крути, отдачи мало, что продукция животноводства плохо поступает на прилавки, решило прибегнуть к следующему методу: вышел указ, подписанный Сталиным, по которому в каждом селе был установлен сепараторный сборный молочный пункт. Каждая семья, имеющая корову (а больше одной коровы тогда просто-напросто запрещалось держать) должна была сдавать тридцать килограммов топленого масла ежегодно или около тонны молока.

— Это позволило пополнить продовольственные ресурсы страны, — говорил Якушев. — В то время ничего более существенного придумать было нельзя. С другой же стороны, если корова давала, допустим, три тонны молока в год, из которых тонна шла государству, то все остальное можно было продать через приемные пункты и получить живую копейку. Город жил тогда лучше, там людям платили деньги, на которые они могли купить и продукты питания, и одежду. В селе же, по тогдашним временам, хорошо жили учителя, медработники, то есть те, кто получал зарплату. Рубль тогда ценился, и бюджетники на свои гроши могли спокойно существовать. Колхозникам же денег не платили, и потому они бедствовали. Вся надежда была на трудодни. Давали натурой — зерном. Его можно было смолоть, продать отруби и на вырученные деньги приобрести одежду и прочее, необходимое в доме и хозяйстве. Короче, это был долгий путь, поэтому крестьян выручали приемные сепараторные пункты.

Детство свое Геннадий Васильевич провел в Серышевском районе Амурской области — сначала в небольшом селе Бирме, а позднее в большом — Красноярове. Тогда еще работали молокоприемные пункты, на два-три села приходился небольшой молокоперерабатывающий заводик. Холодильников тогда еще не было — их заменяли погреба (сегодняшние возможности не чета тогдашним!), и люди как-то приспособивались сохранять продукцию.

В общем, жизнь сама подсказала идею кооперации внутри коллективного хозяйства. Конечно, это был примитивный способ производства, обусловленный небогатыми возможностями той жизни, но он себя оправдывал. Хуже стало, когда от него вовсе отказались.

— Сегодня же ничего подобного нет, — сокрушался Якушев, — потому крестьянин и загнан в угол. Я бы мог сегодня держать в своем хозяйстве три коровы, а это шкуры, это мясо и, в первую очередь, молоко. Я имел бы возможность ежегодно сдавать не менее четырех тысяч килограммов молока по цене до тысячи рублей за килограмм. И при жирности 3,9 — 4,1 процента.

Но ныне, по словам потомственного крестьянина Якушева, который готов, не жалея собственных сил, еще долгие годы трудиться на сельскохозяйственном поприще, государство не стимулирует мужика работать хорошо, увеличивая, например (коль речь зашла о молоке, о нем и речь), производительность дойного стада. А все дело в том, констатировал Геннадий Васильевич, что на совещаниях у президента или премьера рядом с

ними сидят те, кто выпускает пушки или танки, тогда как представители крестьянства сидят поодаль, так что им не докричатся ни до Ельцина, ни до Черномырдина. А хотят они всего лишь, чтобы государство помогло в короткий срок организовать — ну если не в каждом селе, то хотя бы в одном из двух-трех — малые молокоперерабатывающие пункты, по примеру тех, что были лет сорок—пятьдесят назад. Вот ведь сумели же мы в кратчайший срок решить проблему малых хлебопекарен, а если говорить шире — обеспечения населения доброкачественным хлебом, стоило лишь выпустить в большом количестве соответствующее оборудование. Сразу же перестали дико расти цены на хлеб, потому что во всю силу заявила о себе рыночная конкуренция, при которой у людей появился выбор. Малые хлебопекарни вообще способны долгое время удерживать цены на одном уровне. Причина в том, что, в отличие от гигантов-хлебокомбинатов, какие были понастроены в последние десятилетия в городах, у малых хлебопекарен за счет небольшой энергоемкости — невысокая себестоимость продукции. Кстати, когда малые молокоперерабатывающие заводики станут конкурировать с заводами большими, цены на молочную продукцию, без всякого сомнения, спадут. Формула рынка проста: меньше монополистов, больше конкурирующих предприятий. И критерий успеха здесь один — качество выпускаемой продукции, а также низкая цена на нее.

— Вы посмотрите, — продолжал Якушев, — много ли людей покупают ту же сметану, которая очень у нас дорогая? Нет. А вот если в селах на кооперативных началах мы оборудуем перерабатывающие заводики, крестьяне станут сдавать на них молоко, и, следовательно, цены в городских магазинах снизятся. Я как-то подвозил из Ново-Троицкого до Благовещенска двух женщин. Молоко везли на базар, и так каждый день — на попутках. А каково приходится тем, кто живет за шестьдесят и более километров от города? Так вот, одна из молочниц и говорит: я готова и за пятьсот рублей литр продавать, лишь бы его покупали у меня дома. Но кто сейчас там у нее купит? Вот и маются люди, а горожанам приходится считать каждую сотню... А я вижу: поднять село сегодня можно только за счет быстрого развертывания этих самых малых перерабатывающих предприятий. С хлебопечением мы уже вопрос решили, вот и надо заняться переработкой молока, а потом браться за переработку другой сельхозпродукции. Вы спросите: а где на все это взять деньги? Что касается выпуска соответствующего оборудования, то здесь нужно обязательно воспользоваться практикой размещения госзаказа на предприятиях. Когда оборудование будет готово, встанет вопрос о сбыте. Вот тут-то крестьянам и нужно объединиться в производственные кооперативы (я не говорю о колхозах, хотя им тоже пора думать об этом), а государству следует позаботиться об обеспечении этих кооперативов денежными кредитами для закупки оборудования и его монтажа.

У нас в областном центре есть мощный молокозавод. Но не повезет же крестьянин туда молоко из таких, например, отдаленных районов, как Ромненский или Мазановский. Сел-то у нас сколько! Будут кооперативные молокоприемные пункты — мы страну молоком зальем, упадет на него цена в магазинах. Монополисты перестанут диктовать цены на молочную продукцию. Весомым станет наш рубль. Сейчас нужно будоражить общественное мнение, нажимать на руководство, которое пока не

понимает, что нельзя поднять экономику страны без возрождения села. Нас уже завалили “сникерсами” и “ножками Буша”, теперь уже везут из Америки бочки с топленным маслом, другую сельхозпродукцию.

Расстались мы дружески, и Якушев взял с меня слово, что я напишу о нашей с ним беседе.

* * *

Какие бы трудности сегодня ни испытывало наше амурское село, одно несомненно: там потихоньку, со скрипом идет становление новых производственных отношений. Но, увы, долгожданная многоукладная сельская экономика пока не оправдала надежд. Ведь что мы видим? Лишь то, что агрокомплекс Приамурья продолжает агонизировать, все глубже и глубже увязая в трясине кризиса. А это страшно. Ведь на наших глазах рушится идея, которую долгие десятилетия многие вынашивали в своей душе, — идея свободного труда на земле. Вот и возникает у людей этот драматический вопрос: почему так получается, неужели мы совсем разучились работать? И думать, и соображать? Неужто вновь, по примеру наших пращуров, придется звать варягов, чтобы они правили нами, учили нас, как нужно жить?

Но всегда даже на худородном поле найдется уголок, где растут сочные злаки, где торжествует жизнь.

Два года назад в Благовещенском районе, где в последние годы шел интенсивный процесс возникновения фермерских хозяйств, произошло достаточно примечательное событие: в крестьянский кооператив объединились три крестьянско-фермерских хозяйства, руководят которыми А. Д. Стрельников, А. И. Козицин и В. З. Букатый. Прямо скажем, ничего подобного здесь прежде не было. Люди интуитивно почувствовали, что нужно объединяться, не обобществляя собственности, как это было (и поныне существует) в колхозах, а на паевых началах. То есть происходит объединение собственников, цель которого — выполнение производственных задач, непосильных для одного крестьянского хозяйства.

Первоначально кооператоры задумали построить цех по переработке молока и хлебопекарню. И то: на личных подворьях селян в Сергеевке насчитывается более 1200 коров. А неподалеку от Сергеевки есть еще такие немалые села, как Бибиково, Михайловка, Грязнушка, — там тоже сотни коров и тоже туго с реализацией молока.

По предварительным расчетам получалось, что ежели одни только сергеевцы будут продавать со своих подворий тридцать процентов молока, то это составит в среднем от четырех до пяти тонн продукции в день. Новоявленные кооператоры поняли: игра стоит свеч — перерабатывающий завод строить можно, ибо он будет рентабельным. В дело вложили 600 миллионов рублей, которые учредители кооператива заработали частью на коммерческих сделках, частью (400 миллионов) получили в качестве кредита от областной Ассоциации крестьянских и фермерских хозяйств (АККОР). Приобрели фирменное оборудование для оснащения средней руки заводика, способного производить восемнадцать наименований продукции.

— Пока мы решили не торопиться с запуском завода на полную

мощность, — говорит В. З. Букатый. — Попробуем выпускать кефир, сметану, масло, пастеризовать молоко. Специалисты установили в помещениях, отведенных для технологического оборудования, дизельную электростанцию, упаковочную линию, маслобойку, холодильные камеры и прочее. А все строительные работы мы выполняем своими силами. Сейчас ведем отделочные работы внутри и снаружи здания. Пробили сквозь тяжелый грунт скважину, оборудовали септик... На завершающей стадии — отделка душевой и бытовой комнат. Стараемся, чтобы людям здесь было приятно трудиться и отдыхать. Наш завод в состоянии перерабатывать сейчас до ста тонн молока в сутки. В одну смену на переработке будут заняты шесть человек, но мы с компаньонами планируем организовать работу в две смены.

Кроме молокозавода, в том же здании, которое кооператоры отвели под производство, оборудуются хлебопекарня, кондитерский цех, магазин. А это еще как минимум десять рабочих мест. Идет сооружение и лаборатории для проверки и контроля качества выпускаемой продукции. И вот немаловажная деталь: по словам кооператоров, появилась возможность закупать у селян молоко по цене, которая выше принятой на молококомбинате Благовещенска, а реализовывать продукцию — по ценам ниже рыночных. Кстати, кооператив уже заключил договоры на поставку своей продукции магазинам областного центра.

Говоря о добром начинании трех крестьянских хозяйств, решившихся объединиться в кооператив, о тех успехах, которые сопутствуют им в деле, нельзя умолчать и о проблемах, которые возникают по ходу дела. Ведь поначалу все шло не так гладко, как хотелось бы. Но стоит ли забывать, что у нас в России каждая идея, прежде чем воплотиться в жизнь, должна пройти великие испытания?

— Мы стучались во все двери, но открывались перед нами не многие, — вспоминает Валерий Захарович. — Вот и сейчас до полного завершения строительства и запуска завода нам не хватает трехсот миллионов рублей. Хорошо помогли нам председатель областного АККОРа А. В. Нестеренко и управляющий “Агропромбанка” Л. Х. Демьяненко. Не остались в стороне районная и местная наша сельская администрация. Спасибо им.

Строительством производственных мощностей в Сергеевке заняты местные жители. Рады они — еще бы, такая работенка подвернулась! И это в наше-то время, когда на селе повсеместно заглохло строительство.

— Скоро завершим отделочные работы, покрасим здание в сочные цвета — и будет в Сергеевке не завод, а картинка, — подает голос один из рабочих, Евгений Павлович Федоров. — Потом благоустроим территорию, поставим красивую металлическую ограду...

— Да, так и будет, — подтверждает его слова артельный бригадир Виталий Васильевич Сметанин. — А строим мы прочно, на века. Только под пол уложили толстенный слой бетона с арматурой.

Скажем откровенно: замысел кооператоров так и остался бы “прожектом”, если бы не опирался на крепкую экономическую базу крестьянско-фермерских хозяйств. Жизнь в этих хозяйствах, как и прежде, идет своим чередом. Люди продолжают заниматься своим привычным делом. В прошлом году вырастили неплохой урожай зерновых, картофеля, заготовили достаточное количество кормов на зиму. А мысль крестьянина

идет вперед, уже просчитываются и другие экономически выгодные варианты. Так, руководители хозяйств задумали приобрести сорок голов мясомолочной породы крупного рогатого скота, или, как здесь для краткости говорят, КРС и раздать животных на откорм землякам на взаимовыгодных условиях. Следующий этап — строительство помещений для содержания КРС. Занимаются фермеры и торговлей продуктами питания и промышленными товарами. Например, крестьянско-фермерское хозяйство “Новокутузовское” держит в Благовещенске свой магазин “Зеленый мир”. Директором в нем Горягды Гурбанназаров, а продавцом — его жена Ольга.

Магазин торгует хлебом, кондитерскими изделиями, овощами, мясными и молочными продуктами, рыбой, крупами, осенью — арбузами...

— Я работаю в этом магазине с 1994 года, — рассказывает Горягды. — Товары частью сами производим, частью берем оптом по дешевой цене в коммерческих фирмах. Магазин приносит хорошую прибыль.

Я здесь не случайно остановился на многопрофильности крестьянских хозяйств. Еще А. В. Чайнов и его сподвижники нацеливали организаторов кооперативов на самые разнообразные формы экономической деятельности, что позволяло бы крестьянам укрепляться в своей экономической независимости, наращивать производство. Крестьянское хозяйство, по их мнению, должно развиваться в трех главных направлениях: это кооперация, организационно-производственная деятельность и участковая агрономия. Упустив из виду одно из них, крестьянин рискует оказаться в зависимости от обстоятельств. Так, без участия в кооперативе он не сможет в одиночку осилить переработку продукции и зачастую ее сбыть. Организационно-производственная деятельность, как основа всей работы, позволяет ему планировать свои задумки, искать новые методы интенсивного хозяйствования, ориентироваться в экономике производства и грамотно вести его. И наконец, общественная участковая агрономия — это та научная региональная база, на которую крестьянин должен опираться в своей основной деятельности — в производстве продукции земледелия. От нее он получает подмогу и здесь же приобретает знания.

В общем, российским основателям науки об обустройстве крестьянского хозяйства сельский труженик мыслился как действующий или потенциальный кооператор и как грамотный хозяин, владеющий самыми современными навыками сельскохозяйственного производства. К сожалению, я не могу сегодня привести достаточно примеров из региональной практики, которые бы указывали на то, что наше крестьянство пользуется открытиями ученых-чайновцев, сумевших еще на рубеже XX века выработать оптимальную формулу организации и ведения труда на земле. И тому есть как субъективные, так и объективные причины. К первым относится, естественно, непросвещенность и неинформированность амурского хлебороба, который плохо ориентируется в нынешней экономической ситуации или же настолько консервативен, что боится оторваться от традиционных методов ведения хозяйства. Повинны в этом и сами “реформаторы”, зачастую только выдвигающие идеи, но не способствующие их скорейшему воплощению. Вот достаточно характерный пример.

Выше, на примере трех хозяйств Благовещенского района, показывая становление кооперации на селе, я намеренно подчеркнул, что большую часть кредитов под строительство и оборудование молокоперерабатываю-

щего завода предоставила АККОР. Но, насколько мне известно, эта ассоциация не в силах оказать экономическую поддержку хозяйствам, которые стремятся модернизировать свое производство. И еще в меньшей мере это могут районные отделения АККОРа.

По словам председателя Благовещенского районного отделения АККОРа С. Д. Мольченко, распоряжается финансами и распределяет средства в виде кредитов исключительно областной АККОР. И кредиты дают только тем крестьянско-фермерским хозяйствам, которые входят в эту общественную организацию и платят членские взносы. Председателю районной структуры только и остается оказывать крестьянам нравственную поддержку. Правда, в наследство от прежних времен осталась еще функция по распределению товарного кредита в виде гербицидов, минеральных удобрений, горюче-смазочных материалов. В прошлом году крестьянские хозяйства района получили товарный кредит на сумму 600 миллионов рублей. К концу года они вернули 264 миллиона — в основном зерном, соей и продуктами питания. Как видим, картина не столь радужная. Ну что такое сегодня 600 миллионов рублей? Что на них можно приобрести? Разве что полдюжины типовых двухкомнатных квартир в областном центре.

И все же свою нишу в жизни села районные АККОРы нашли. Например, в том же Благовещенском районе АККОР оказывает крестьянам помощь в ведении хозяйства, советует, какими культурами им занять ту или иную площадь, какой скот выгоднее разводить, распространяет специальную литературу, буклеты, помогает в сбыте продукции, приобретении элитных семян, племенного скота... Что это, как не зачатки чаяновской системы общественной участковой агрономии? Значит, ростки нового (а вернее, хорошо забытого старого) существуют? Значит, неверно утверждение консерваторов, что все на селе идет кувырком, что сельскохозяйственное производство рушится и недалек тот день, когда мы вообще вынуждены будем констатировать паралич нашего сельского хозяйства?

Я далек от легковерия записных оптимистов, ибо знаю, сколь много бед сегодня одолевает село: это и неверие в новое, и экономическое банкротство хозяйств, одна из причин которого — отказ властей от прежней гарантированной дотационной политики, и социальная депрессия из-за крушения привычного уклада жизни со всеми вытекающими отсюда последствиями — пьянством, запустением крестьянских дворов, нищетой... Но не могу не сказать и о том, что, внимательно взглядевшись в этот сложный мир сегодняшнего села, я увидел, как оно, пусть и очень медленно, пусть и очень мучительно, со скрипом, все же пытается выбраться с разбитой проселочной дороги на большак своего будущего благополучия. Конечно, как всегда, удача сопутствует только самым дерзким, самым настырным, самым трудолюбивым. Слабые же, не найдя понимания и сочувствия у нашего жесткого и прагматичного времени, идут на дно...

В Благовещенском районе, где немало бедствующих хозяйств, есть уже достаточно крепкие фермеры, которые надежно встали на ноги, наращивают объем производства, успели отладить связи. Ныне они продают свою продукцию военным, больницам, городским предприятиям, фирмам...

А вот начинающим и мелким крестьянско-фермерским хозяйствам, по словам председателя местного АККОРа, приходится помогать. В районе

действует специальная комиссия, в состав которой вошли заместитель главы районной администрации, представители от земельного комитета, райфинотдела, Амурсельхозпромбанка, налоговой инспекции, АККОРа.

— Основная задача комиссии, — говорит председатель местного АККОРа С. Д. Мольченко, — оказывать крестьянам всестороннюю помощь, кроме того, перераспределять земельные наделы, заниматься ликвидацией тех крестьянско-фермерских хозяйств, которые перестали работать на земле. Последнее достаточно неприятно. Ведь в федеральной целевой программе развития крестьянско-фермерских хозяйств и кооперативов на 1996 — 2000 годы предусматривается увеличение числа фермеров на сто тысяч. Вот у меня на столе номер “Российской газеты”, — замечает Семен Дмитриевич, — в котором опубликована эта программа. Я ее внимательно прочитал и могу сказать: чего там только не наобещано! И газификация, и электрификация, и обеспечение техникой... Но все перечеркивает фраза в постановлении Правительства Российской Федерации “О федеральной целевой программе развития крестьянско-фермерских хозяйств и кооперативов на 1996 — 2000 годы” от 18 декабря 1996 года. Вот она: “...Органам исполнительной власти, субъектам Российской Федерации предусматривать выделение в 1996 — 2000 годах средств из соответствующих бюджетов на реализацию региональных программ развития КФХ”. А в нашем областном бюджете денег на это не выделено. Да и вообще сельское хозяйство ходит у администрации в пасынках. Так, в бюджете было намечено выделить на развитие сельского хозяйства 145856 миллионов рублей, а реально профинансировано оно всего лишь на 97724 миллиона, то есть на 67 процентов. По отраслям производства это самый низкий процент финансирования. Вот и судите сами, выполняема эта программа или нет.

Наша беседа состоялась в январе 1997 года, за несколько месяцев до того, как в области прошли выборы главы областной администрации. Ю. Г. Ляшко пришлось сложить свои полномочия, а новым главой стал А. Н. Белоногов. Тот самый человек, на которого было сориентировано большинство селян. Они считают его своим: выходец из крестьян, он после окончания сельскохозяйственного института работал специалистом в одном из хозяйств, потом по партийно-административной лестнице поднялся до поста председателя облисполкома. Теперь вот избрали главой администрации Амурской области.

Сможет ли Анатолий Николаевич что-то сделать для развития сельского хозяйства региона? Способен ли он, убежденный коммунист, мыслить рыночными категориями? Не порушит ли ростки того нового, что пробивается через толщу неверия, невежества и растерянности? Ведь в том прошлом, по которому ностальгически вздыхают многие, инициатива людей зачастую подменялась волевым нажимом властей. Как говорится, поживем — увидим. Безусловно, время наше сумело многих, в том числе и мыслящих консервативно, убедить в том, что российскому, а равно и амурскому селу необходима не просто реанимация, а каждодневные забота и помощь. Без этого условия оно не сможет встать на ноги, а без саморазвития погибнет. И тогда никакие труды великих ученых, в том числе и А. В. Чаянова, уже не помогут воскресить мертвеца. Ведь они создавались для тех, кто способен воспринимать их как учебник крестьянского труда на земле.

— Да, — признался мне директор Амурского филиала Всероссийского научно-исследовательского конструкторского и проектно-технологического института химической мелиорации почв (ВНИИПТИМ) Д. А. Курдин, — труды Чайнова и его сподвижников амурскому крестьянину, по сути, неизвестны. Во всяком случае, я что-то не припомню, чтобы кто-то обращался к ним. Это касается и здешних ученых.

— Но ведь вы сами, того не осознавая, — говорю ему, — стремитесь работать по-чайновски, пытаюсь помочь крестьянину перейти от экстенсивной системы земледелия к интенсивной...

Дмитрий Алексеевич согласно кивает головой. В самом деле, одним из главных вопросов организации интенсивного земледелия являются химизация и мелиорация земель.

Как же обстоят дела с этим в нашей области?

— Плохо, — говорит Дмитрий Алексеевич. — Ввиду удаленности региона от центра и баснословных транспортных тарифов к нам сегодня поступает очень мало химических удобрений — у хозяйств просто нет денег, а областная казна не в состоянии помочь им. Вот земля и скудеет. Ее реанимировать надо, иначе недалек тот день, когда мы будем собирать от трех до пяти центнеров зерновых с гектара. И тогда смысла не будет заниматься земледелием — оно ведь станет совершенно нерентабельным. Правда, мы и так закупаем зерно на стороне — из нашей муки хлеб не испечешь, не можем мы выращивать зерно с высокой клейковиной. Наше зерно идет на фураж. Но, видимо, настанет время, когда и фуражного зерна у нас не будет. Опыт показывает, что без химизации земель нам никак нельзя. В прошлые годы именно эффективные приемы химизации способствовали подъему урожайности.

— Так что же делать, Дмитрий Алексеевич? — спрашиваю.

— Искать удобрения в своем регионе, — отвечает ученый. — И они у нас есть. Достаточно назвать Архаринский карьер по производству местных фосфатно-карбонатных удобрений. Ценность их для низкоплодных и необеспеченных фосфором почв области определена нами за предыдущие пять-шесть лет, результаты опытов были переданы в областное сельхозуправление. Но чиновники, на мой взгляд, сквозь пальцы смотрели на проблему. А ведь они должны были немедленно мобилизовать все силы и возможности, чтобы создать в области собственную базу химизации. И прежде всего завершить строительство Архаринского карьера, доведя его до проектной мощности в 400 тысяч тонн фосфатов в год. Но нынешние управленцы ничего не сделали, они не выделили необходимые средства, и работы на карьере, по существу, были заморожены с 1988 года.

Дмитрий Алексеевич давно и упорно ведет борьбу за реанимацию Архаринского карьера по производству фосфатно-карбонатных удобрений. Я помогал ему по мере своих возможностей. Но, увы, все оставалось на прежних местах: один за другим менялись главы областной администрации, а также руководители, отвечающие за сельское хозяйство, дело же стояло на мертвой точке. Правда, ушедший недавно с поста главы области министр Ю. Г. Ляшко издал соответствующие постановления, предусматривающие развитие производства местных удобрений (а ведь Архаринское месторождение — не единственное в нашей области. У нас есть и

другие перспективные залежи). Он же отстранил от должностей безынициативных, некомпетентных руководителей-аграрников. Жаль, что Ю. Г. Ляшко не успел довести дело по строительству карьера до конца. И остается только гадать: что же предпримет его преемник? Отмахнется ли от ученых или же все-таки прислушается к их советам и начнет решать проблему восстановления плодородия амурской пашни?

Д. А. Курдин надеется, что новый губернатор не оставит без внимания разработки ученых-агрохимиков. Кстати, прецедент уже был, когда задолго до того, как Анатолия Николаевича избрали главой областной администрации, он в ранге председателя облсовета народных депутатов поддержал Дмитрия Алексеевича в его борьбе с местной аграрной бюрократией, подписав один очень важный документ в поддержку Амурского филиала ВНИИПТИМ.

— А то ведь прямо руки опускаются, когда видишь, что твои труды напрасны, — признается Д. А. Курдин. — Ты выступаешь за интенсивную систему земледелия, а тебе палки в колеса вставляют. Но сколько может это продолжаться? Сколько еще мы будем жить в условиях, когда подавляется независимая мысль? Осуждаем прежнее время, а сами что творим?

Да, все непросто в наши дни. Вроде бы и можно трудиться над реализацией своих идей, и что-то опять мешает. Сколько трагедий произошло за последние годы! Сколько судеб сломалось в борьбе с рутинной, косностью, тайным и явным недоброжелательством, политическим корыстолюбием и криминальным беспределом...

* * *

А. В. Чайнов и его сподвижники всегда придавали огромное значение развитию многообразных форм кооперации, в том числе и потребительской.

С первых дней своего бытия последняя была нацелена на обеспечение сельского населения самым необходимым. В свое время система потребкооперации отличалась мобильностью и дееспособностью. Не зря в народе говорили: если не нашел чего-то у Бога, иди в потребсоюз. Богатой была организация, что тут скажешь.

Сегодня наступили иные времена, когда более предприимчивая частная инициатива стала выдавливать кооператоров из села, и те, не выдерживая конкуренции с "новыми русскими", сдаются. Загляните в любую, даже самую захудалую деревушку, и вы увидите, что, в отличие от прежних времен, когда повсеместно царствовала потребкооперативная инициатива, там непременно торгует хотя бы один ларек, принадлежащий частнику. В больших селах развернут уже целый набор магазинов, магазинчиков, киосков, представляющих различные формы торговли и, что немало важно, собственности.

Что же случилось? Почему некогда сильная потребительская кооперация вынуждена капитулировать перед частным предпринимательством? Видимо, все дело в том, что при всей своей силе она не до конца выполняла свою задачу по обеспечению тружеников села товарами народного потребления. Еще свежи в памяти битвы за дефицит, конфликты, возникавшие по поводу злоупотреблений в кооперативной торговле...

А вот частный предприниматель привез в село то, что было необходи-

мо селянину. И никаких дефицитов! И никаких конфликтов! Никаких очередей! Как в сказке... Селянин пошел в магазин к частнику, потому что у него там большой выбор.

Есть и другие причины, заставляющие кооператоров задуматься над своим будущим. В селе Волково Благовещенского района раньше магазины райпотребкооперации были полны народу. Нынче, сетует заведующая одним из таких магазинов Софья Никодимовна Беляева, редко сюда идут. Причина, говорит она, в том, что заработная плата работникам ТОО "Волковское" выплачивается несвоевременно. Задолженность по зарплате погашается зачастую либо натуральной продукцией, либо через собственные магазины товарищества товарами под запись. И хотя-де ассортимент в потребсоюзовском магазине шире, товарооборот небольшой: 35 миллионов рублей в месяц. Отсюда, мол, и финансовые трудности.

И действительно, в магазине достаточно широкий выбор продуктов питания: крупы, сахар, макаронные изделия, хлебобулочные изделия, мука, соленая и свежемороженая рыба, куры, кондитерские изделия. Выбор-то широкий, но, по словам заведующей, процесс товарооборота из месяца в месяц замедляется.

Кстати, в прошлом году на долю потребкооперации пришлось всего четыре процента товарооборота в торговой системе области, а от общего объема розничного товарооборота (включая торговлю на вещевых, смешанных и продовольственных рынках) — и того меньше. Заметно сданы позиции и в торговле непродовольственными товарами. В позапрошлом году на их долю приходилось 14,5 процента всего товарооборота потребкооперации, а в 1991 году — более половины его.

Низкая покупательская способность населения, отсутствие собственных оборотных средств у предприятий потребительской кооперации явились причинами резкого снижения продажи основных товаров культурно-бытового назначения. В 1995 году, например, по сравнению с предшествующим годом уменьшилась продажа часов на 71 процент, стиральных машин — на 72, велосипедов, мотоциклов, мотороллеров — на 87, телевизоров — на 88 процентов, швейных машин — в 41,6 раза.

Снижение поступлений товарной массы привело к сокращению запасов в системе потребкооперации. За годы реформ многие предприятия ее закрылись. Вместо прежней прибыли они стали приносить одни убытки и разорять кооператоров. Если на конец 1991 года потребительскую кооперацию области представляли 1230 предприятий розничной торговли и 167 предприятий общественного питания, то на тот же период 1995 года их число значительно уменьшилось: в розничной торговле осталось 417, в общественном питании — только 23 из них. Заметно снизился и уровень рентабельности торговых предприятий.

Что и говорить, картина удручающая. И хотя на федеральном уровне в последние годы был принят целый ряд нормативных актов, направленных на поддержку потребительской кооперации, должного действия они не возымели. Почему? Факты свидетельствуют, что политика государства остается прежней: бросить все на свете в водоворот рынка. Те, кто выплывет, уцелеют, тем же, кто уйдет на дно, — туда и дорога. Жестоко! По моему мнению, кооперативная политика на селе не может идти самотеком, ею нужно управлять. Ведь кооперация, по всему видно, — это будущее нашего села, это одно из главных направлений организации трудовой

деятельности крестьян. Естественно, управление это должно быть ненавязчивым, ибо в противном случае крестьянин снова почувствует себя рабом обстоятельств, а раб, как известно, плохой работник. Под термином "управление" нужно подразумевать чаяновскую идею всесторонней помощи кооператорам, начиная финансами и кончая сферой сбыта. Во всех развитых странах власти поддерживают крестьянство, стремясь создать ему условия для его трудовой деятельности. Отсюда и отдача. У нас же пока все начинается с деклараций и ими же заканчивается. Кто, скажем, помог амурским крестьянам реализовать прошлогодний урожай? И по сей день многие хозяйства держат в закромах зерно, сою, овощи, не имея ни сил, ни средств сбыть продукцию на рынке.

И это еще не все. Крестьяне уже многие месяцы ждут, когда из Москвы придут обещанные дотационные деньги, которые должны если и не решить до конца все проблемы, то по крайней мере хотя бы облегчить участь селян. Но деньги так и не пришли. В сложных экономических условиях пришлось крестьянам ныне готовиться к весенне-полевым работам. Например, в Благовещенском районе только для проведения сева требовалось 20 миллиардов рублей, но никто их не дал. А ведь средства были нужны для приобретения горюче-смазочных материалов, запчастей, минеральных удобрений и гербицидов. Соответствующим был и результат: к посевной было готово только 73 процента тракторов, 72 — грузовых автомобилей, 59 — сеялок, 52 — плугов и 50 процентов культиваторов. Такого в прежние, даже самые трудные годы никто не припомнит. Так о какой же реформе в сельском хозяйстве можно говорить, ежели государство отстранилось от тревог и бед хлеборобов?

Тяжела судьба крестьянина в России. На далеком Амуре, как и везде, мало кто верит в счастливую звезду землепашца — не та повсюду картина, чтобы проникнуться надеждой. А когда-то великий русский ученый А. В. Чайнов и его сподвижники были участниками мощного крестьянского движения и верили в его успех. Только один пример из прошлого: даже к сороковому году нынешнего столетия мы не смогли достичь того уровня сельскохозяйственного производства, который существовал в России в 1913-м...

Увы, кончается столетие, а мы все продолжаем топтаться на месте, издергав крестьянина разного рода прожектами, упреками и понуканиями. Крестьянин же растерян и зажат в своих неосуществленных желаниях и, подобно забитой и неухоженной лошаденке, нехотя плетется по дороге жизни. И нет конца его мукам. Но, может, все же стоит попристальнее взглядеться в горизонт и попытаться увидеть что-то доброе впереди?..

